

О.К. Охотникова

**«УВЕЧНЫЕ ВОИНЫ»: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ
В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1914–1916-х годов¹**

Аннотация. Увеличение во время Первой мировой войны социальной группы военных инвалидов вызвало много вопросов и предложений о возможных путях их поддержки. Проблема потери способности к самообеспечению в предыдущие периоды решалась помещением инвалида в дом призрения и оказанием благотворительной помощи. В условиях новой войны это не представлялось возможным – нехватка положенных пенсий и отсутствие государственной системы реабилитации побуждает заинтересованных общественных деятелей к дискуссии. Современная историография данной темы сосредоточена на государственных и общественных организаторах социальной помощи и реализованных актах помощи, при этом мало внимания обращено на общественные обсуждения по этому вопросу. На основе периодической печати и публицистической литературы 1914–1916 гг. в данной статье реконструирован социальный статус военных инвалидов, создаваемый в этих источниках. Судя по всему, восприятие российским обществом военных инвалидов было обусловлено многими факторами, в том числе мечтой о государстве всеобщего благосостояния, представлениями о соотношении государственной и общественной инициативы в социальной политике. Это социальное воображение влияло на решения по оказанию помощи, постулируя общественность как важного актора в их формулировании. Через кейс проблемы увечных воинов становится виден процесс конструирования организованной прогрессистской общественности, сумевшей заявить о себе в условиях патриотической мобилизации Первой мировой войны. Данный контекст был воспринят имперскими общественными деятелями как пространство для реализации своих способностей и осуществления модернизационных проектов в русле прогрессизма.

Ключевые слова: Первая мировая война; Российская империя; военные инвалиды; общественность; публицистика; трудовая помощь.

1. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Охотникова Ольга Константиновна, магистр Школы исторических наук, стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.
E-mail: okokhotnikova@edu.hse.ru

Okhotnikova O.K. «War invalids»: The Social Status of Disabled Soldiers in Russian Publicity, 1914–1916

Abstract. The increase of the social group of war invalids during World War I raised many questions and suggestions about possible ways to support them. In previous periods, the problem of the loss of the ability to self-sustain was solved by placing an invalid in an orphanage and providing charitable assistance. In the conditions of the new war, this was not possible – the shortage of allowable pensions and the absence of a state rehabilitation system prompted concerned public figures to debate. Modern historiography of this topic focuses on the state and public organizers of social assistance and implemented acts of aid, with little attention paid to public discussions on this issue. Based on periodicals and publicist literature, this article reconstructs the social status of military invalids, created in these sources. Apparently, Russian society's perception of the military disabled was influenced by many factors, including the dream of a welfare state and ideas about the relationship between state and public initiative in social policy. This social imagination influenced assistance decisions, postulating the general public as an important actor in their formulation. Through the case of the maimed warriors, one can see the construction of an organized progressive public that was able to assert itself in the patriotic mobilization of the First World War. This context was perceived by imperial public figures as a space for the realization of their abilities and the implementation of modernization projects in the framework of progressivism.

Keywords: First World War; Russian Empire; war invalids; general public; publicist literature; charity; social policy.

Okhotnikova Olga Konstantinovna, Research Assistant of Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Higher School of Economics. Moscow, Russia.
E-mail: okokhotnikova@edu.hse.ru

Сотни тысяч увечных воинов...принадлежат к наиболее цветущим возрастам человеческой жизни...Вправе ли мы... осудить его на бездельное, хотя бы и обеспеченное, существование, которое неизменно должно привести к разрушению всех устоев его душевной жизни?

А. Николаев

Введение

Первая мировая война отразилась на жизни почти всех жителей Российской империи, но тяжелее всего на солдатах, получивших увечья. Попавшие на фронт крестьяне, привыкшие до этого зарабатывать физическим трудом, вследствие ранения потеряли способность к самообеспечению. До этого считалось, что инвалиды должны жить в домах призрения и получать благотворительную помощь. Однако условия и масштабы новой войны заставили общество отказаться от идеи спрятать жертвы и побудили задуматься о способах поддержки «увечных воинов». Вопросы – как им помогать, кто должен этим заниматься, и в какой степени эта помощь необходима – стали частью публичных дискуссий на страницах журналов и специализированных брошюр.

Сегодня о Первой мировой войне опубликовано немало исследовательских работ. Один из важных тезисов, выдвигаемых во многих из них, – определение войны как периода «временного слома», перехода из «долгого девятнадцатого» в «короткий двадцатый» век. Общая тенденция модернизации отразилась и на медицине: были усовершенствованы методы оказания хирургической помощи, введены массовые вакцинации от инфекционных заболеваний, разработаны средства индивидуальной защиты от отравляющих веществ [Будко 2010, с. 178, 239–240]. Число выживших солдат и офицеров выросло, однако для части из них это не означало полного выздоровления и возможности повторной мобилизации. Согласно статистическим данным, которые приводятся в различных исследованиях, количество российских инвалидов войны, ставших полностью или частично нетрудоспособными, варьируется от 400 до 700 тыс. человек [Катцина 2017, с. 111; Россия в мировой войне 1925, с. 4].

Возникший как реакция на последствия Русско-японской войны, указ «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» (1912) в качестве помощи жертвам войны предлагал пенсии, объем которых зависел от степени потери трудоспособности. Таковых степеней законодатель насчитывал пять [Букалова, Щербинин 2020, с. 150]. Спустя буквально несколько месяцев новой войны стало понятно, что указ невыполним, как по причине неспособности правительства к подобному объему выплат, так и из-за несоответствия размера этих выплат реальным нуждам пострадавших [Букалова, Щербинин

2020, с. 150]. В итоге, в годы Первой мировой войны вопрос социального обеспечения «увечных воинов» обострился. Современная историография о российских военных инвалидах сосредоточена на результатах: то есть на государственных и общественных акторах социальной помощи и осуществленных проектах. При этом мало внимания обращено на общественные дискуссии по этому вопросу, на истоки и контекст их появления. Данная статья направлена на выявление взаимосвязи между публичной дискуссией о проблеме и реализованными инициативами. На материалах публицистической литературы будет реконструирован образ и социальный статус военных инвалидов в Российской империи в 1914–1916-е годы. Фокусировка на инициативах и представлениях позволяет проблематизировать данный кейс и встроить его в контекст модернизации позднеимперской России. Она выражалась в переходе от призрения увечных и калек в формате филантропической инициативы царской семьи («благотворительности сверху») к реабилитационной модели социальной взаимопомощи.

Источниками для такого изучения послужили журнальные статьи, посвященные благотворительности, земским и городским властям, медицине, общественным организациям, оказанию помощи жертвам войны, а также брошюры и очерки о воинах-инвалидах. На их страницах обсуждались классификации «увечных воинов», способы оказания им помощи, а также их место в военном и послевоенном обществе. Основным принципом для отбора журналов стало их тематическое отношение к вопросам военной инвалидности, будь то с перспективы общественных организаций, благотворительных обществ, городского и земского самоуправления, земской и военной медицины. Так, журнал «Призрение и благотворительность в России» издавался Всероссийским Союзом учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, «Трудовая помощь» – Попечительством о домах трудолюбия и работных домах, свой ежемесячник был и у Комитета Ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Для деятелей городского и земского самоуправления (читателей журналов «Городское дело» и «Земское дело») соответственно, вопрос о военных инвалидах был также актуален. Именно они занимались поддержкой инвалидов на местах, что особенно проявилось с созданием в 1914 г. Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ) и Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС). Важна была и позиция медиков – их статьи по данной теме публиковались в «Общественном враче», издававшемся Обществом русских врачей в память Н.И. Пирогова (Пироговским обществом) и в «Вестнике Красного Креста». Сознательно в источниковый комплекс не включен «Военно-медицинский журнал», статьи которого сконцентрированы на военно-полевой медицине (эпидемиях, ранениях и инфек-

циях), а инвалидность рассматривалась как вариант членовредительства. Лишь одна статья [Любомудров 1915] повествует о комиссиях по вопросам увольнения и назначения пенсий. Ее автор, служащий Московского Военного госпиталя и председатель одной из таких комиссий П.В. Любомудров, писал о слабой разработке и рамочном характере прописанных в указе от 25 июня градаций потери трудоспособности.

Анализ профессиональных статусов высказывавшихся, среди которых были публицисты (В.Ф. Боцяновский, А.В. Тыркова, Е.Д. Максимов), деятели призрения (М.А. Новосильцева, С.К. Гогель, В.Е. Боков, Е.Д. Максимов, И.И. Чарномская, А.В. Тыркова), экономисты (И. Файнгар), правоведы (С.К. Гогель) и медики (И.И. Чарномская, Л. Грановский) и изданий, в которых они это делали, позволил убедиться в широком социальном представительстве. Существование позиций и голосов различных социальных групп позволяет обнаружить строительство дискурсов при обсуждении частного вопроса увечных воинов – о роли публичной сферы и местного самоуправления, о наличии диалога власти и общественности, о достаточности ресурсов и инфраструктуры для оказания социальной помощи.

Историография данной темы испытала на себе влияние нескольких методологических «поворотов» [Anderson, Carden-Coyne, 2007], в том числе культурного. Впервые заявленный Д. Гербером [Gerber 2000], он позволил изучать влияние средств массовой информации, восприятие общества, проблемы уникальности опытов. Данный призыв был подхвачен историками, в центр внимания вышли взаимоотношения общества и ветеранов с различными формами инвалидности, характер и степень государственной помощи, новые идентичности ветеранов-инвалидов и их влияние на реинтеграцию [Verstraete, Salvante, Anderson 2015]. Обращение к подобным сюжетам можно обнаружить в современных зарубежных исследованиях по военной инвалидности Первой мировой войны, анализирующих представления о теле [Carden-Coyne 2009], агентивность ветеранского сообщества [Jackson 2019] и реабилитационные практики [Malone 2013].

Большая часть историографии о российских военных инвалидах сосредоточена на исследовании инициатив центрального правительства и местных властей, конкретных мер помощи и их организаторах [Степочкина 2014; Чистяков 2016; Букалова, Щербинин 2020; Ковалев, Новосельцев, Савин 2018; Катцина 2017]. Примером культурных исследований российской военной инвалидности являются работы А. Зумпфа, посвященные реконструкции понятия инвалидности и социального образа инвалида [Зумпф 2014, Sumpf 2015].

Отдельным блоком стоят работы, посвященные общественным организациям поздней Российской империи. Вызванный началом Первой мировой войны патриотический подъем (с чем согласны большинство исследователей) всколыхнул общественность. Благодаря ему появились новые и были восста-

новлены существовавшие до войны организации в помощь фронту и тылу. Многие исследователи обсуждают проблему взаимоотношений этих организаций с властью и ее представителями и сходятся во мнении о существовавшем между ними недоверии [Щербинин 2013, с. 284], и даже противоборстве [Туманова 2014, с. 133]. Обсуждение историками действий общественных организаций тесно переплетено с историей понятия «общественность» – определения ее границ и особенностей. Как основная ее характеристика называется занятие общественными делами вне или сверх государственных обязанностей [Volkov 2003, p. 68], что многими исследователями связывается с распространением идей прогрессизма [Новая имперская история Северной Евразии 2017, с. 533]. Как считает Дж. Санборн, в годы войны прогрессизм, т.е. идея реформизма через самоорганизацию, стал объединяющим дискурсом для большинства общественных кампаний и организаций [Sanborn 2016, p. 497]. Подобный взгляд позволяет уйти от бинарной оппозиции государство-общество, сместив внимание на взаимодействие и пересечение ее частей [Matsui 2015, p. 7], неполитические факторы явлений [Clowes, Kassow, West 1991, p. 5]. В то же время перенос фокуса с социальных статусов к конкретной практике [Sanborn 2016, p. 498] освобождает от проблемы реальности общественности как сообщества – ее воображаемый характер рассматривается в контексте политической инструментализации понятия [Ikeda 2015, p. 64].

В предлагаемой статье проблема увечных воинов рассматривается в контексте истории российской имперской общественности. Учитывая понятийные дебаты современной историографии, я подразумеваю под «общественностью» социальную группу, граждански активную в силу самоорганизации и идеи прогрессизма, но не в силу служебных обязанностей. Отказ от традиционной бинарной оппозиции государство-общество позволяет изучать попытки компромиссов, взаимодействия или даже замещения действующей власти, в то время как перспектива «воображаемости» сообщества обнаруживает инструменты его конструирования.

Кто такие увечные?

Для многих публицистов и общественных деятелей начала XX в. вопрос «Что делать с увечными воинами?» был важным, но для начала необходимо было определиться, кого считать таковыми. И. Файнгар предлагал разделить всех увечных (определенных как социальная группа по закону от 25 июня) на три категории: абсолютно нетрудоспособных, относительно нетрудоспособных и трудоспособных при соответствующем лечении [Файнгар 1915, с. 294]. Первая группа, с чем соглашалось большинство, должна, как и раньше, оставаться на полном обеспечении общества: помещаться в инвалидные дома и получать необходимый уход. Третья категория рассматривалась с точки

зрения проблемы «недолечивания» в лазаретах (о чем упоминает в своей статье член Правления Пироговского общества и редактор одного из разделов журнала «Общественный врач» Л. Грановский [Грановский 1914, с. 1055–1056]), из которых раненые выходят истощенными и «страдающими последствиями ранений» [На Пироговском съезде 1916, с. 1956]. Им авторы предлагали отдых в санаториях и на курортах, где будут восстановлены их жизненные силы и возвращена трудоспособность [Тыркова 1917, с. 14]. Больше всего внимания уделяли второй группе, которую определяли как раненые с ампутированными или покалеченными пальцами, руками, ногами. Периодически к этой группе причисляли слепых [Боцяновский 1916, с. 2321; Тыркова 1917, с. 14]. В совокупности они представлялись человеческим ресурсом, использование которого диктовалось условиями новой войны. На уровне главной идеи «что делать?» авторы были солидарны – калек необходимо превратить в трудоспособных членов общества с помощью протезирования и переобучения.

Перед анализом аргументации столь единогласного вывода важно рассмотреть способы репрезентации увечных в публицистике. В случае с российскими инвалидами Первой мировой войны можно говорить только о репрезентации, но не самопрезентации – журналы тех лет не содержат текстов, созданных самими инвалидами, а в статьях специалистов они появляются лишь опосредованно: как жертвы и объекты помощи.

Основной посыл даваемых характеристик выражался в чувствах жалости и сочувствия. Состояние нетрудоспособности оценивалось авторами как тяжелейшее страдание, как для самого инвалида, так и для его окружения: «еще недавно всеми почитаемые здоровые батраки семьи, они теперь, порой жалкие обрубки, являются ей в тягость» [Файнгар 1915, с. 293]. Главным параметром стала инаковость инвалида – он «не такой как другие» [Егоров 1915, с. 24] – что проявляется в физических недостатках: «уродливая обрубленность» [Боцяновский 1916, с. 2329] ставится в один ряд с беспомощностью и заброшенностью. Предлагается четкая перспектива: если нет конечностей, то значит – нет и самостоятельности. Зависимость инвалида от общественной помощи приравнивается авторами к состоянию ребенка. Так, автор, подписавшийся Г.Ш., использует эту метафору для описания превращения «здорового воина» в «слабого ребенка» [Г.Ш. 1915, с. 274], а журналистка и член партии кадетов А.В. Тыркова говорит о «беспомощном ребенке» как об отправной точке для перехода к состоянию «самостоятельного гражданина» [Тыркова 1917, с. 18]. Инвалидность представляется лиминальной (переходной), временной фазой, которую необходимо преодолеть.

С восприятием инвалида как ребенка связана и боязнь некоторых авторов, что увечные могут стать «объектом самой беззащитной эксплуатации», а окружающие будут относиться к ним «пренебрежительно, а подчас и

с злой насмешкой» [Егоров 1915, с. 34]. Подобное допущение плохого отношения показывает разницу между позицией сопереживающих общественных деятелей, исходящих из «чувства человеколюбия» [Егоров 1915, с. 19–20], и основной массы населения. Отдельную волну сочувствия вызывает факт раннего возраста. Как считает редактор журнала «Призрение и благотворительность в России» С. Гогель, получение увечья «притом с самых молодых лет жизни» [Гогель 1915, с. 177] утяжеляет страдания, так как означает долгую необходимость мириться с увечьем. Наличие инвалидности видится авторами как мучительный труд и невыносимое существование в противовес здоровой и полноценной жизни. При этом зависимость от посторонней помощи лишает увечного субъектности.

Много говорится и о внутреннем состоянии инвалида. Работавшая во время войны во Всероссийском союзе городов А.В. Тыркова пишет об увечных воинах как о «легко падающих духом», «помятых войной» [Тыркова 1917, с. 20] и «надломленных потрясениями» [Тыркова 1917, с. 11], определяя опыт войны как травматичный в психологическом плане. А. Николаев высказывал предположение о вреде потрясений войны и для его «умственных способностей» бывшего воина. В качестве аргумента он использовал увиденные проявления «ребячливости» и «наивности», восприятие действительности «в радужных красках» [Николаев 1916, с. 378]. Интересно, что такие характеристики также отсылают к инфантилизму, несознательному возрасту, как бы противопоставляя здоровых и взрослых членов общества больным и ребячливым.

О недостаточном развитии инвалидов писала хирург, одна из основательниц «Мастерской для обучения калек ремёслам Ортопедического отделения Максимилиановской лечебницы», И.И. Чарномская. Размышляя о вреде благотворительности, автор уверяла современников, что помощь может уничтожить «слабо развитое в некультурной душе большинства увечных воинов стремление к самопомощи» [Чарномская, с. 10], и, как следствие, привести к тунеядству. Неграмотность становится источником очередных невзгод в жизни увечного: недостаток культуры виделся современникам причиной несклонности инвалидов к самопомощи. Инвалид представлялся лишенным «умиротворяющей работы мысли» [Чарномская, с. 9] или же удовлетворяющим лишь свои базовые потребности и не способным задуматься об улучшении своей жизни [Егоров 1915, с. 26]. Незрелость виделась как повод для сострадания и проблема, которую необходимо решать общими усилиями.

Пересказывая свои диалоги с увечными, В.Ф. Боцяновский, писатель и историограф Российского общества Красного Креста говорил о присущем им отчаянии: «Я уже решил, что мне делать: в пролет на лестнице или в окно на улицу. Куда же этакому жить?» [Боцяновский 1916, с. 2328]. Жизнь с инвалидностью не видится возможной ни авторам, ни их объектам. Среди худших

сценариев как последствий подобной подавленности: «опускание до нищеты и паразитизма» [Егоров 1915, с. 24], «озлобление против всего окружающего» и потеря «чувства собственного достоинства» [Чарномская, с. 9]. Как видно из этого списка, опасения авторов крутятся вокруг характеристик беспомощности и несамостоятельности, неразрывно связанных со склонностью поддаться пристрастиям. Слабость и неполноценность физическая становится, таким образом, слабостью моральной.

Однако существует и позитивный исход: получение протезов или обучение новым навыкам помогает увечным «воскреснуть» [Боцяновский 1916, с. 2329], дает им чувство ценности и исправности. Среди положительных последствий протезирования упоминается бодрый дух, рассматриваемый как важное условие производительности, и изменение восприятия: «мир иначе смотрит на увечного и сам он иначе смотрит на мир» [Егоров 1915, с. 19]. Скрытие увечья возвращает инвалида на прежний социальный уровень, а образ перерождения становится ключевым для описания выхода из фазы непригодности и несоответствия стандартам. Другой путь избавления от отчаяния видится в игнорировании собственной неполноценности и в готовности к очередному самопожертвованию. Так, описанный земским деятелем В.Е. Бокковым увечный «улыбается, забыв что без руки» и даже «собирается опять бить немцев» [Боков 1915, с. 1236]. Непризнание обществом инвалидности как нормального состояния создает, как следствие, образы инвалидов, точно так же не замечающих свой недуг.

Почему надо помогать?

В дискуссии о необходимости превращения военных инвалидов в трудовой ресурс общества можно выделить несколько аспектов. Во-первых, отбрасывались прошлые стратегии. Благотворительная деятельность как средство общественной мобилизации была чрезвычайно популярна в военные годы: в источниках и тематических исследованиях можно встретить упоминания благотворительных концертов и лотерей, чайных буфетов [Зумпф 2014, с. 476], кружечных сборов [Туманова 2014, с. 77] и даже районных отрядов [Жители Арбатского района!], собирающих пожертвования. Авторы статей об увечных указали на негативные последствия этой системы. Благотворительность определялась как непостоянная и неустойчивая по своему характеру [В.О. 1916, с. 1235], или же приравнивалась к недостойной для воина милостыне [Новосильцева 1915, с. 48]. Высказывалось даже мнение о ее вреде для увечного воина, так как она может создавать «привычку рассчитывать во всех затруднениях на даровые подачки», так, например, считал автор законопроекта и нескольких трудов по вопросам призрения и трудовой помощи Е.Д. Максимов [Максимов 1916, с. 335]. Во-вторых, отклонялись неосуществимые планы, на-

пример повышение пенсий до уровня материального благополучия, что считалось утопичным [Николаев 1916, с. 376]. Логика долга государства перед служащим ему индивидом в тяжелых экономических условиях оказывалась неприменимой в полной мере, оставляя место для общественных начинаний.

Существенным стал аргумент об ответственности общества за увечного, страдавшего за родину. Призыв «доказать» свою благодарность и «согреть» выражением общественного сочувствия [Новосильцева 1916, с. 46] воспринимался как исполнение обществом своего нравственного долга [Тыркова 1917, с. 23] перед героями, «пострадавшими за общее дело» [Обухов 1915, с. 238]. Подобная риторика, с одной стороны, подчеркивает зависимое положение инвалида, с другой – рассматривает общество, или, точнее сказать, общественность, как объединенную и целостную единицу.

Кроме того, в качестве важнейших мотиваций назывался хозяйственно-экономический фактор. Авторы указывают на нехватку рабочих рук, недостаточную производительность, необходимость восстановить промышленность [Максимов 1916, с. 331–332]. Подобная ситуация приводила авторов к смягчению проблемы инвалидности. Ее обладатели определялись как «вполне здоровые и полные сил, но с некоторыми дефектами» [Боцяновский 1916, с. 2333], кого можно приспособить к новой жизни. Таким образом, возможность изменения статусов увечных с «обиженных судьбой» [Егоров 1915, с. 19–20] на способных быть общественно-полезными была связана с желанием «переработать» инвалидов в условиях экономической необходимости.

Использовались также апелляция к личной выгоде инвалидов. С одной стороны, инвалидный труд позиционировался как способ обретения самостоятельности [Файнгар 1915, с. 293], получения собственного заработка [В.О. 1916, с. 1236]. Раньше определения увечный и нетрудоспособный были синонимами, автоматически снижая социальный статус калеки, «проедающего чужой хлеб» [Боцяновский 1916, с. 2332]. Описываемая современниками перспектива стремилась решить проблему инвалидной идентичности, предложив данной группе новое, почти полноценное место в обществе. С другой стороны, использовалась апелляция к чувствам увечного. Авторы были убеждены в собственном желании увечных быть полезными обществу: благодаря труду инвалиды «почувствовали себя нужными, работоспособными людьми» [Боцяновский 1916, с. 2332]. Труд приравнивался к лекарству для «потрясенного духа» [Егоров 1915, с. 24], который возвращал увечному «чувство собственного достоинства» [Чарномская, с. 32] и заставлял «забыть о своем недостатке» [Тыркова 1917, с. 27]. Труд, таким образом, видится единственным спасением, живительной силой, позволяющей интегрироваться в общество. Трудотерапия, распространенная позднее для лечения психических больных, представляется авторам как идеальное средство и для реабилитации людей с физическими изъянами.

К началу XX в. статус калеки предполагал необходимость постоянного общественного попечения и заботы. Первая мировая война добавила в эту социальную группу военных, которые в ходе патриотической мобилизации воспринимались как гордость страны и защитники Родины. Соединение двух статусов – калеки и военного – создало диссонанс, который сочувствующие общественные деятели пытались решить с помощью признания боевых заслуг и внедрения идеи возвращения увечному трудоспособности. Трудоспособность становилась олицетворением полноценного социального статуса, которого авторы добивались для военных инвалидов. Несомненно, собственный взгляд попечителей, специалистов и общественных деятелей оставался снисходительным. Однако их программа, хоть и утопичная, выдвигала новую репрезентацию, обусловленную не только гуманистической концепцией, но и современной теорией социальной политики. В этом проявлялась нацеленность прогрессистской общественности на модернизацию общества и улучшение пространства вокруг себя, что объединяло апологетов различных локальных и национальных интересов.

Как следует помогать?

В российской публицистике был сделан единодушный вывод: проблема увечных решается возвращением трудоспособности. Предполагалось дать новые навыки, способные обеспечить заработок и его самостоятельное существование. Основным видом организации обучения виделась мастерская. Она могла быть соединена с общежитием, школой или лечебницей [Обухов 1915, с. 239; Боцяновский 1916, с. 2332; Николаев 1916, с. 381; Файнгар 1915, с. 296; Г.Ш. 1915, с. 277]. Д.В. Егоров, посвятивший свой текст вопросу снабжения протезами, даже предлагает устраивать мастерские с общежитиями при организациях, выдающих протезы. По его задумке приехавший в город и ожидающий свой протез инвалид мог бы иметь одновременно жилье и временное занятие [Егоров 1915, с. 29]. Как показывает хроника, такая практика уже осуществлялась в годы войны [Расширение мастерских 1916; Харьковская протезная мастерская 1916]. Для определения вида занятий и попечения могли привлекаться врачи, педагоги, техники, а инструкторами виделись даже хорошо обучившиеся увечные [Г.Ш. 1915, с. 277; Николаев 1916, с. 378; В.О. 1916, с. 1236]. Важным фактором становилась пригодность и востребованность тех или иных навыков в отдельных регионах и типах местности.

Обучение могло быть групповым и индивидуальным [Обухов 1915, с. 241], включать прикладные навыки и теоретические знания. Спектр предлагавшихся практических занятий вряд ли поддается перечислению. Среди популярных – сапожное, портновское, корзиночное, столярное, шорное и жестяно-лудильное дело [Мастерские-убежища]. Что касается теории, обуче-

ние грамоте становится центральным вопросом. Ее значение видится, с одной стороны, в поднятии общего интеллектуального уровня [Г.Ш. 1915, с. 278], с другой – в роли проводника для остального, не прикладного знания. Многие авторы заявляют о необходимости сделать из увечных новых земских и кооперативных служащих, которые смогут занять должности сельских и волостных писарей, счетоводов, делопроизводителей, конторщиков и наборщиков [Обухов 1915, с. 242; Чарномская, с. 42; Боцяновский 1916, с. 2330]. Как считает А. Зумпф, таким образом местные власти предполагали завершить создание административной системы локальной экономики [Зумпф 2014, с. 480–481]. Кроме того, сельское хозяйство, как центральное занятие для крестьян, становилось областью, в которой увечный мог оставаться полезным, не занимаясь физическим трудом. Низкий уровень образования большей части населения и недостаток квалифицированных специалистов считался выгодным для увечных. Он создавал необходимый спрос [Тыркова 1917, с. 24], при котором увечные могли стать руководителями в деле садоводства, огородничества, птицеводства и земледелия [Чарномская, с. 45]. Проект обучения / переобучения увечных становился частью более общего проекта ликвидации безграмотности, создания локальной административной системы и увеличения числа профессионалов.

Некоторые авторы пошли дальше и кроме переобучения продумывали процесс получения заработка после переподготовки. Основной идеей становилась групповая организация увечных, среди типов предлагались трудовые и ремесленные артели, общественные мастерские и трудовые кооперативы. В качестве аргумента Е.Д. Максимов указывал на невозможность отпустить увечных после обучения «прямо в жизнь»: «они – люди физически ослабленные, требующие нередко чужой помощи» [Максимов 1916, с. 334]. Неоставление увечных одиночками обосновывалось и различными выгодами для самих инвалидов. Так, собранные в артель увечные легче, по мнению авторов, смогут отстаивать свое положение в конкурентной борьбе, находить кредит и брать крупные заказы [Боцяновский 1916, с. 2324]. Кроме того, работа в мастерской или артели с другими увечными создаст атмосферу здорового соревнования и позволит кооперировать ремесленников-инвалидов, выполняющих вместе задачу одного полноценного работника [Боцяновский 1916, с. 2324]. Часто указывается и на необходимость существования коопераций под руководством общественных учреждений. Как считают авторы, они смогут оказывать юридическую и административную поддержку, и, в отличие от частных лиц, не будут заинтересованы «в барышах» [Максимов 1916, с. 337]. Е.Д. Максимов предлагает возложить на них задачу создания правлений или хозяйственных комитетов мастерских. В них кроме членов попечительства необходимо избирать и самих увечных «с таким расчетом, чтобы постепенно все дело переходило в руки самоуправляющейся организации увечных»

[Максимов 1916, с. 337–338]. Здесь автор конечно же делает оговорку «пока он не созреет в их сознании», закладывая, однако, идею самоуправления и постепенного обретения субъектности. Кроме того, сама идея кооперации увечных в мастерские и артели указывает на активное развитие в поздней имперской России экономической деятельности и самоорганизации. Этот процесс был неразрывно связан с ростом земского и городского самоуправления и увеличения числа наемных специалистов, ставших российским средним классом [Timberlake 1991, p. 179].

Среди других инициатив обсуждались системы попечительств с представителями на местах. Они виделись связующим элементом между увечным и всеми общественными и благотворительными организациями [Гогель 1915, с. 175–176; Пироговский съезд 1916, с. 435]. Роль попечителей в целом можно описать как своевременную и доступную каждому инвалиду помощь в различных сферах и делах, иногда не самых существенных. В частности, среди возлагаемых функций можно встретить: «следить за нахождением средств к существованию», поиск работы и справочные услуги [Файнгар 1915, с. 298], обеспечение зимой теплой одеждой, хлопоты о выдаче протеза, помещении в лечебное или санаторное учреждение, выдача ссуды до получения пайка, доставка от ж/д станции до дома [Новосильцева 1915, с. 47]. Член Елизаветинского Комитета (Комитета Ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну) М.А. Новосильцева в своем докладе перед Комитетом по этому вопросу особенно подчеркивает нравственно-этическое значение попечительств для увечных. По ее мнению, основная миссия попечителей – относиться к проблемам увечного «сердечно и вдумчиво», давая ему понять «что его тут ждет любящая забота и попечение, что о нем подумали и будут думать» [Новосильцева 1915, с. 48]. Заботливое отношение, как считает автор, нужно инвалиду даже больше, чем денежная помощь: ведь только первое может принести «душеное удовлетворение» и «нравственный покой» [там же]. О чем нам может говорить подобный упор на добродетель? Очевидные проблемы с экономикой здесь переплетаются с желанием изменить недостаточно хорошее отношение к увечным. Значение имеет и восприятие себя (общественности) и другого (объекта помощи) через нравственные категории самопожертвования, служения и долга.

Кто им поможет?

Предложенные проекты, подробные программы и небольшие заметки о реабилитации военных инвалидов предлагают не только стратегии, но и меры их осуществления. Кто же должен за это взяться? Среди основных акторов называется общество в широком смысле, государство, местное самоуправле-

ние и всероссийские общественные организации. Большинство авторов склонялись к необходимости кооперации общества и государства [Тыркова 1917, с. 12], при которой обе стороны будут иметь свои зоны ответственности. На общественные силы, как считали авторы, необходимо возложить задачу на местах «обследовать...степень нужды и следить за оказанной помощью» [Новосильцева 1915, с. 48]. Земским и городским учреждениям [Чарномская, с. 65] предлагалось поддержать школы трудовой помощи увечным, по аналогии с особыми стипендиями для университетов в целях привлечения новых кадров [Боцяновский 1916, с. 2324]. Земство создало новое, в противовес царской государственной, понимание службы у наемных специалистов, которые стали воспринимать себя как «представителей “всесловного” органа, служащего широким слоям населения империи» [Timberlake 1991, p. 164]. Вследствие этого идея поддержки местным самоуправлением частично нетрудоспособных военных инвалидов виделась публицистам оправданной и очевидной.

Важным аргументом к участию общественных сил было равнодушие общества к увечным [Егоров 1915, с. 3]. Это согласуется с уже упоминавшейся мотивацией помогать инвалидам по причине «долга общества перед ними»: авторы призывают привлечь «весь народ» [Пироговский съезд 1916, с. 435] и «всю страну» [Николаев 1916, с. 370]. Общественная помощь должна была «найти открытое признание и яркое выражение» среди населения, которое не должно жалеть «на это святое дело ни труда, ни средств» [Ростовцев 1917, с. 3–4]. Привязка к гражданскому долгу и желание работать на общее благо указывает на обращение к общественности, которая к началу XX в. стала для политических и общественных деятелей олицетворять идею самого общества [Volkov 2003, p. 68]. Общественность явилась идеальным воображаемым сообществом, в котором образованный слой видел пространство реализации своих способностей, а патриотическая мобилизация Первой мировой войны способствовала выдвижению общественности на руководящие позиции [Ikeda 2015, p. 62].

В противовес ведущей роли государства высказывались идеи о значении всероссийских общественных организаций. Так, по результатам Пироговского съезда были приняты резолюции о необходимости объединенной и координированной деятельности ВЗС и ВСГ [Пироговский съезд 1916, с. 435]. С одной стороны, здесь важно сказать о роли Пироговского общества как первого в Российской империи сообщества профессионалов, добившегося собственной организации [Balzer 1991, p. 189], а значит признанного государством в своем значении и имеющего определенный авторитет. С другой стороны, важна роль земского и городского союзов. Как отмечают авторы «Новой имперской истории Северной Евразии», различные формы самоорганизации (ВЗС, ВСГ, ВПК – Военно-промышленный комитет) стали платформой для

компромисса между действующими силами империи – прогрессистской общественностью, с одной стороны, парламентом – с другой, и государственными институтами с третьей [Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2 2017, с. 576]. Авторы рассматривали эти организации как идеальную платформу, на которую можно возложить задачу заботы об увечных после возвращения домой. Об этом, например, пишет занимавший в тот период должность городского головы Екатеринбурга А. Обухов [Обухов 1915, с. 239]. Среди оптимальных предпосылок они выделяли проделанную ВЗС и ВСГ работу в деле помощи солдатам, их централизованность и одновременную рассеянность в виде ячеек по всей территории страны. Наличие общего плана и организационного центра также было важно в вопросе регистрации и подсчета общего числа военных инвалидов, для чего к 1916 г. так и не было создано единообразной системы [Егоров 1915, с. 23]. Как считает И. Икэда, союзы явились формой институционализации мобилизованной общественности, усилив их репрезентацию в качестве организованной структуры и мощного актора [Ikeda 2015, р. 63–64]. Организованная общественность становилась в представлении авторов свидетельством возможности всероссийского объединения в целях модернизации и общественного блага.

Заключение

Анализ источников позволил сделать следующие наблюдения.

Во-первых, социальный статус увечных воинов в российском обществе можно определить как лиминальный, т.е. промежуточный. С одной стороны, они вызывали жалость и сочувствие как люди, получившие инвалидность и потерявшие, вследствие этого, самостоятельность. С другой стороны, общественная благодарность побуждала современников желать восстановления военных инвалидов в их полноценном социальном статусе. Решением проблемы виделось возвращение трудоспособности увечных, что должно было вместе с самостоятельностью заработка вернуть собственную субъектность. Однако данный социальный проект мотивировался не только состраданием и осознанием заслуг увечных. Среди ключевых факторов можно назвать тяжелое хозяйственно-экономическое положение, недостаток квалифицированных специалистов на местах и общую проблему низкой грамотности.

Во-вторых, через кейс увечных воинов можно увидеть другие, более глобальные процессы внутри российского позднеимперского общества. Прежде всего, начало войны способствовало консолидации общественности и активному продвижению ею прогрессистской программы. Это достигалось с помощью прессы, существовавшей как общественное пространство для дискуссии, обмена информацией и артикуляции интересов. Самоорганизация имперского общества в годы войны достигла своего максимума, вылившись

во всероссийские общественные организации. Среди прочего они предлагались на роли основных руководителей и в деле помощи увечным. С одной стороны, они стали компромиссом между государством и обществом, с другой – способом самоидентификации общественности, стремившейся к проявлению инициативы и осуществлению модернизационной программы.

Кроме того, дискуссии прогрессистской общественности вокруг увечных свидетельствовали о модерности российского общества, так как предлагали переход от прежней «христианско-филантропической» [Ковалев, Новосельцев, Савин 2018, с. 828] модели призрения калек к современной социальной политике. Изученный материал указывает на происходившую в Российской империи модернизацию, отраженную как в расцвете экономической деятельности, так и в увеличении роли местного самоуправления и «среднего класса». Он складывался из группы образованных профессионалов, работавших в земских и городских учреждениях и не вписанных в прошлую сословную иерархию. Как считает С. Кассоу, данной группе так и не удалось обрести общую политическую и социальную идентичность [Kassow 1991, p. 367]. Однако, судя по проанализированным текстам, они стали главными акторами публичной сферы и общественной инициативы. Несмотря на разрозненность социальных статусов и профессиональных бэкграундов авторов публикаций по вопросу увечных воинов, можно говорить о совпадении тезисов, выдвигаемых ими в проектах помощи военным инвалидам. Объединяющей для них стала парадигма «служения обществу» и стремление к модернизации.

Библиография

- Боков В.Е. Русь идет // Вестник Красного Креста. 1915. № 4. С. 1234–1239.
- Боцяновский Вл. Как помогать инвалидам // Вестник Красного Креста. 1916. № 7. С. 2321–2334.
- Будко А.А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Букалова С.В., Щербинин П.П. «Хозяева увечного дела»: становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 187. С. 148–159.
- В.О. На выставке работ раненых // Вестник Красного Креста. 1916. № 4. С. 1235–1237.
- Г.Ш. Трудовая помощь инвалидам // Трудовая помощь. 1915. № 3. С. 274–277.
- Гогель С. Как земству и городу помогать жертвам войны? // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 3–4. С. 174–178.
- Грановский Л. Всероссийский союз городов // Общественный врач. 1914. № 8–9. С. 1055–1056.
- Егоров Д.В. К вопросу о постановке дела снабжения увечных воинов протезами и трудовой помощи им. Москва: Тип. штаба Моск. воен. окр., 1915. 36 с.
- Жители Арбатского района! // Первая мировая война 1914–1918 гг. Россия: [документы, листовки, воззвания] / Гос. ист. библ. России. Отд. редких книг. [Б.м.], [б.г.]. Инв. №: 000073513.

Зумпф А. Российские инвалиды Первой мировой войны: Жертвы прошлого или современная социальная группа? // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в.: Мат. междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 467–484.

Катцина Т.А. Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914–1921): региональный аспект // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири: мат. Сибирского историч. форума. Красноярск, 25–26 октября 2017 г. Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2017. С. 111–115.

Ковалев А.С., Новосельцев Н.Р., Савин О.И. Роль Русской православной церкви в профессионально-трудовой реабилитации инвалидов в годы Первой мировой войны (на примере Томской губернии) // Былые Годы: рос. ист. журнал. 2018. № 48 (2). С. 828–837.

Любомудров П.В. Из повседневной практики постоянных врачебных комиссий // Военно-медицинский журнал. 1915. № 9. С. 108–115.

Максимов Е. Организация обучения и труда увечных воинов // Трудовая помощь. 1916. № 9. С. 331–341.

Мастерские-убежища // Вестник Красного Креста. 1915. № 8. С. 3592–3593.

На Пироговском съезде // Вестник Красного Креста. 1916. № 6. С. 1950–1961.

Новая имперская история Северной Евразии: в 2 ч. Казань: «Ab Imperio», 2017. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. 630 с.

Николаев А. Организация трудовой помощи увечным воинам во Франции // Трудовая помощь. 1916. № 9. С. 372–378.

Новосильцева М.А. Доклад члена Комитета М.А. Новосильцевой по вопросу об организации уездных попечительств о сиротах и об увечных воинах // Ежемесячник Комитета Ея Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1915. № 4. С. 43–53.

Обухов А. Занятия ручным трудом и подготовка к профессиям пострадавших воинов // Земское дело. 1915. № 4. С. 238–244.

Пироговский съезд, доклады и резолюции // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 4–6. С. 403–438.

Расширение мастерских для изготовления протезов // Вестник Красного Креста. 1916. № 4. С. 1260.

Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: Центральное статистическое управление, 1925. 103 с.

Ростовцев М.И. Предисловие // Увечные воины. Петроград: [б.и.], 1917. С. 3–5.

Степочкина Е.В. Организация медицинской помощи и социальная реабилитация инвалидов в Самарской губернии во время Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сборник. Самара, 2014. Вып. 2. С. 285–289. URL: <http://sbornik.lib.smg.ru/> (дата обращения: 17.10.2021).

Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 326 с.

Тыркова А.В. Увечные воины. Петроград: [б.и.], 1917. 31 с.

Файнгар И. Что делать с увечными воинами // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5–7. С. 293–298.

Харьковская протезная мастерская // Вестник Красного Креста. 1916. № 4. С. 1260–1262.

Черномская И.И. К вопросу о трудовой помощи увечным воинам. Петроград: [б.и.] 67 с.

Чистяков О.В. Кампания по сбору пожертвований в пользу Российского общества Красного Креста во время Первой мировой войны // От противостояния идеологий к служению

идеалам: российское общество в 1914–1945 гг.: сб. ст. / М.Ю. Мягков, К.А. Пахалюк (ред.). М.: Новый хронограф, 2016. С. 71–83.

Щербинин П.П. Тамбовское земство и оказание помощи больным и раненым воинам (1914–1917 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 11. № 127. С. 278–287.

Anderson J., Carden-Coyne A. Enabling the Past: New Perspectives in the History of Disability // *European Review of History*. 2007. Vol. 14. № 4. P. 447–457.

Balzer H. The Problem of Professions in Imperial Russia // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 181–198.

Carden-Coyne A. *Reconstructing the Body: Classicism, Modernism, and the First World War*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 344 p.

Clowes E.W., Kassow S.D. and West J.L. Introduction: The Problem of the Middle in Late Imperial Russian Society // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 3–14.

Gerber D.A. Introduction // *Disabled Veterans in History* / D.A. Gerber (ed.). Michigan: University of Michigan Press, 2000; revised and expanded, 2012. P. 1–50.

Ikedda Y. The Notion of *Obshchestvennost'* during the First World War // *Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia: Interface between State and Society*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 61–82.

Jackson A. Reforming the Veteran: Propaganda and Agency in the First World War Reconstruction Hospitals // *Journal of The Medical Library Association*. 2019. Vol. 107. № 4. P. 472–487.

Kassow S.D. Russia's Unrealized Civil Society // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 367–371.

Malone C. A Job Fit for Heroes? Disabled Veterans, the Arts and Crafts Movement and Social Reconstruction in Post-World War I Britain // *First World War Studies*. 2013. Vol. 4. № 2. P. 201–217.

Matsui Y. Introduction // *Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia: Interface between State and Society*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–16.

Sanborn J.A. The Zenith of Russian Progressivism: The Home Front during World War I and the Revolution // *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22: Book 2. The Experience of War and Revolution* / C. Read, P. Waldron, A. Lindenmeyr (eds.). Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2016. Vol. 2. P. 497–508.

Sumpf A. War Disabled on Screen: Remembering and Forgetting the Great War in the Russian and Soviet Cinema, 1914–1940 // *First World War Studies*. 2015. Vol. 6. № 1. P. 57–79.

Timberlake C.E. The Zemstvo and the Development of a Russian Middle Class // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 164–179.

Verstraete P., Salvante M., Anderson J. Commemorating the Disabled Soldier: 1914–1940 // *First World War Studies*. 2015. Vol. 6. № 1. P. 1–7.

Volkov V. *Obshchestvennost'*: Russia's Lost Concept of Civil Society // *Civil Society in the Baltic Sea Region* / N. Götz, J. Hackmann (eds.). Hampshire: Ashgate, 2003. P. 63–72.

References

Anderson J., Carden-Coyne A. Enabling the Past: New Perspectives in the History of Disability. *European Review of History*. 2007. Vol. 14. N 4. P. 447–457.

Balzer H. The Problem of Professions in Imperial Russia. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 181–198.

Bokov V.E. Rus' idet [Russia is Going]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1915. N 4. P. 1234–1239. (In Russ.)

Botsyanovskii V.I. Kak pomogat' invalidam [How to Help the Disabled]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 7. P. 2321–2334. (In Russ.)

Budko A.A. Istoriya meditsiny Sankt-Peterburga XIX – nachala XX v. [History of Medicine in St. Petersburg in the 19th and Early 20th Centuries]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. 400 p. (In Russ.)

Bukalova S.V., Shcherbinin P.P. «Khozyaeva uvechnogo dela»: stanovlenie sistemy pomoshchi voennym invalidam v Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny [«The Masters of the Maimed Job»: Establishment of the System of Assistance to Disabled Soldiers in the Russian Empire during World War I]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Vestnik of Tambov University. Series: Humanities]. 2020. N 187. P. 148–159. (In Russ.)

Carden-Coyne A. Reconstructing the Body: Classicism, Modernism, and the First World War. Oxford: Oxford University Press, 2009. 344 p.

Charnomskaya I.I. K voprosu o trudovoi pomoshchi uvechnym voynam [On Labor Aid for Injured Warriors]. Petrograd. 67 p. (In Russ.)

Chistyakov O.V. Kampaniya po sboru pozhertvovaniy v pol'zu Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vremena Pervoi mirovoi voiny [Campaign to Collect Donations for the Russian Red Cross Society during World War I]. Ot protivostoyaniya ideologii k sluzheniyu idealam: rossiiskoe obshchestvo v 1914–1945 gg. [From Confronting Ideologies to Serving Ideals: Russian Society in 1914–1945]. M.Yu. Myagkov, K.A. Pakhalyuk (eds.). Moscow: Novyi khronograf, 2016. P. 71–83. (In Russ.)

Clowes E.W., Kassow S.D. and West J.L. Introduction: The Problem of the Middle in Late Imperial Russian Society. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 3–14.

Egorov D.V. K voprosu o postanovke dela snabzheniya uvechnykh voynov protezami i trudovoi pomoshchi im [On the Issue of Providing Maimed Warriors with Prosthetic Devices and Labor Aid to Them]. Moscow: Tip. shtaba mosk. voen. okr., 1915. 36 p. (In Russ.)

Faingar I. Chto delat' s uvechnymi voynami [What to Do with the Maimed Warriors]. Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii [Patronage and Charity in Russia]. 1915. N 5–7. P. 293–298. (In Russ.)

G.Sh. Trudovaya pomoshch' invalidam [Labor Assistance for the Disabled]. Trudovaya pomoshch' [Labor Assistance]. 1915. N 3. P. 274–277. (In Russ.)

Gerber D.A. Introduction. Disabled Veterans in History. D.A. Gerber (ed.). Michigan: University of Michigan Press, 2000; revised and expanded, 2012. P. 1–50.

Gogel' S. Kak zemstvu i gorodu pomogat' zhertvam voiny? [How Does the Zemstvo and the City Help the Victims of War?]. Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii [Patronage and Charity in Russia]. 1915. N 3–4. P. 174–178. (In Russ.)

Granovskii L. Vserossiiskii soyuz gorodov [All-Russian Union of Cities]. Obshchestvennyi vrach [Public Physician]. 1914. N 8–9. P. 1055–1056. (In Russ.)

Ikedo Y. The Notion of Obshchestvennost' during the First World War // Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia: Interface between State and Society. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 61–82.

Jackson A. Reforming the Veteran: Propaganda and Agency in the First World War Reconstruction Hospitals. Journal of The Medical Library Association. 2019. Vol. 107. N 4. P. 472–487.

Kassow S.D. Russia's Unrealized Civil Society. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 367–371.

Kattsina T.A. Sotsial'naya pomoshch' invalidam voiny v gody «velikikh potryasenii» (1914–1921): regional'nyi aspekt [Social Assistance to Disabled Warriors during the «Great Upheavals» (1914–1921): a Regional Aspect]. Revolyutsiya 1917 goda: 100 let spustya. Vzglyad iz Sibiri [The Revolution of 1917: 100 years later. A View from Siberia]: Proc. of the Siberian Historical Forum. Krasnoyarsk: OOO «Laboratoriya razvitiya», 2017. P. 111–115. (In Russ.)

Khar'kovskaya proteznaya masterskaya [Kharkov Prosthetic Workshop]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 4. P. 1260–1262. (In Russ.)

Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Savin O.I. Rol' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v professional'no-trudovoi reabilitatsii invalidov v gody Pervoi mirovoi voiny (na primere Tomskoi gubernii) [The Role of the Russian Orthodox Church in the Vocational Rehabilitation of the Disabled during World War I (on the Example of Tomsk Province)]. Bylye Gody. Rossiiskii Istoricheskii Zhurnal [Bygone Years. Russian Historical Journal]. 2018. N 48. P. 828–837. (In Russ.)

Ljubomudrov P.V. Iz povsednevnoj praktiki postojannykh vrachebnykh komissij [From the Daily Practice of Permanent Medical Commissions]. Voenno-medicinskij zhurnal [Military Medical Journal]. 1915. N 9. P. 108–115. (In Russ.)

Maksimov E. Organizatsiya obucheniya i truda uvechnykh voinov [Organization of Training and Labor of Maimed Warriors]. Trudovaya pomoshch' [Labor Assistance]. 1916. N 9. P. 331–341. (In Russ.)

Malone C. A Job Fit for Heroes? Disabled Veterans, the Arts and Crafts Movement and Social Reconstruction in Post-World War I Britain. First World War Studies. 2013. Vol. 4. N 2. P. 201–217.

Masterskie-ubezhishcha [Shelter Workshops]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1915. N 8. P. 3592–3593. (In Russ.)

Matsui Y. Introduction. Obshchestvennost' and Civic Agency in Late Imperial and Soviet Russia: Interface between State and Society. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–16.

Na Pirogovskom s"ezde [At the Pirogov congress]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 6. P. 1950–1961. (In Russ.)

Novaja imperskaja istorija Severnoj Evrazii. Chast' 2: Balansirovanie imperskoj situacii: XVIII–XX vv. [The New Imperial History of Northern Eurasia. Part 2: Balancing the Imperial Situation: XVI–XX centuries]. I. Gerasimov (ed.). Kazan: «Ab Imperio», 2017. 630 p. (In Russ.)

Nikolaev A. Organizatsiya trudovoi pomoshchi uvechnym voenam vo Frantsii [Organization of Labor Aid for Maimed Warriors in France]. Trudovaya pomoshch' [Labor Assistance]. 1916. N 9. P. 372–378. (In Russ.)

Novosil'tseva M.A. Doklad chlena Komiteta M.A. Novosil'tsevoi po voprosu ob organizatsii uezdnykh popечitel'stv o sirotakh i ob uvechnykh voynakh [Report of Committee Member M.A. Novosil'tseva on the Organization of County Trusteeships for Orphans and Maimed Soldiers]. Ezhemesyachnik Komiteta Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoi knyagini Elizavety Fedorovny po okazaniyu blagotvoritel'noi pomoshchi sem'yam lits, prizvannykh na voynu [Bulletin of the Committee of Her Imperial Highness the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna on Charitable Assistance to the Families of those Called to War]. 1915. N 4. P. 43–53. (In Russ.)

Obukhov A. Zanyatiya ruchnym trudom i podgotovka k professiyam postradavshikh voinov [Manual Labor and Preparation for Occupations of Injured Warriors]. Zemskoe delo [Zemstvo Affair]. 1915. N 4. P. 238–244. (In Russ.)

Pirogovskii s"ezd, doklady i rezolyutsii [The Pirogov Congress, Reports and Resolutions]. Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii [Patronage and Charity in Russia]. 1916. N 4–6. P. 403–438. (In Russ.)

Rasshirenie masterskikh dlya izgotovleniya protezov [Expansion of workshops for the manufacture of prostheses]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 4. P. 1260. (In Russ.)

Rossiya v mirovoi voine 1914–1918 goda (v tsifrakh) [Russia in the World War 1914–1918 (in figures)]. Moscow: Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie, 1925. 103 p. (In Russ.)

Rostovtsev M.I. Predislovie [Foreword]. Uvechnye voiny [Mutilated Warriors]. Petrograd, 1917. P. 3–5. (In Russ.)

Sanborn J.A. The Zenith of Russian Progressivism: The Home Front during World War I and the Revolution. Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22: Book 2. The Experience of War and Revolution. C. Read, P. Waldron, A. Lindenmeyr (eds.). Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2016. Vol. 2. P. 497–508.

Shcherbinin P.P. Tambovskoe zemstvo i okazanie pomoshchi bol'nym i ranenym voynom (1914–1917 gg.) [Tambov Zemstvo and Assistance to the Sick and Wounded Warriors (1914–1917)]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Vestnik of Tambov University. Series: Humanities]. 2013. N 127. P. 278–287. (In Russ.)

Stepochkina E.V. Organizatsiya meditsinskoj pomoshchi i sotsial'naya reabilitatsiya invalidov v Samarskoi gubernii vo vremena pervoi mirovoi voiny [Organization of Medical Care and Social Rehabilitation of the Disabled in Samara Province during World War I]. XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii [The 20th century and Russia: Society, Reforms, Revolutions]: Electronic collection. Samara, 2014. Vol. 2. P. 285–289. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/> (date of access: 17.10. 2021). (In Russ.)

Sumpf A. Rossiiskie invalidy Pervoi mirovoi voiny: Zhertvy proshlogo ili sovremennaya sotsial'naya gruppa? [Russian Disabled of World War I: Victims of the Past or a Modern Social Group?]. Malen'kii chelovek i bol'shaya voina v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX v.: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma [The Little Man and the Big War in Russian History: Mid-19th to Mid-20th Century: Proc. of an Int. Colloquium]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. P. 467–484. (In Russ.)

Sumpf A. War Disabled on Screen: Remembering and Forgetting the Great War in the Russian and Soviet Cinema, 1914–1940. First World War Studies. 2015. Vol. 6. N 1. P. 57–79.

Timberlake C.E. The Zemstvo and the Development of a Russian Middle Class. Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West (eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 164–179.

Tumanova A.S. Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.) [Public Organizations in Russia during the First World War (1914 – February 1917)]. Moscow: ROSSPEN, 2014. 326 p. (In Russ.)

Tyrkova A.V. Uvechnye voiny [Mutilated Warriors]. Petrograd: [s.l.], 1917. 31 p. (In Russ.)

V.O. Na vystavke rabot ranenyykh [At the exhibition of the works of the wounded]. Vestnik Krasnogo Kresta [Bulletin of the Red Cross]. 1916. N 4. P. 1235–1237. (In Russ.)

Verstraete P., Salvante M., Anderson J. Commemorating the Disabled Soldier: 1914–1940. First World War Studies. 2015. Vol. 6. N 1. P. 1–7.

Volkov V. Obshchestvennost': Russia's Lost Concept of Civil Society. Civil Society in the Baltic Sea Region. N. Götz, J. Hackmann (eds.). Hampshire: Ashgate, 2003. P. 63–72.

Zhiteli Arbatskogo raiona! [Residents of the Arbatsky district!]. Pervaya mirovaya voina 1914–1918 gg. Rossiya: [dokumenty, listovki, vozzvaniya] [World War I, 1914–1918. Russia: [documents, leaflets, proclamations]]. Collection of the State Public Historical Library. Department of rare books. Inv. N 000073513. (In Russ.)